

**ВИДЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ХРИСТИАНСКАЯ РЕЛИГИЯ»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Н. ТОЛСТОГО**

Г.Д. Распаева

В статье рассматриваются виды прецедентных феноменов со сферой-источником «Христианская религия» в произведениях Л.Н. Толстого. Анализ христианских прецедентных феноменов показал, что доминирующими видами христианских прецедентных феноменов в произведениях Л.Н. Толстого оказались прецедентные имена и прецедентные высказывания.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; прецедентные феномены; христианство.

Проблему прецедентности текстов культуры активно разрабатывают Н.Д. Бурвикова, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, Г.Г. Слышкин и другие. Вслед за понятием «прецедентного текста» Ю.Н. Караулова вводятся понятия прецедентного высказывания [Костомаров, Бурвикова 1994], прецедентного прагморerefлекса [Прохоров 1996], прецедентного имени [Гудков 1996], прецедентного феномена и преце-

дентной ситуации [Красных 1997] [3]. Хотя сам феномен прецедентности не получил полного осмысления, так как это «связано со сложностью и диалектичностью понятия прецедентности» [3].

Модифицируя характерную для Ю.Н. Караулова широкую трактовку термина «текст», Д.В. Багаева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных определяют прецедентные феномены с позиций лингвокогнитивного подхода [2]. В соответствии с данной концепцией прецедентные феномены представляют собой: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляются в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [5].

Единицами системы прецедентных феноменов являются прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентный текст, которые «неотделимы друг от друга непроходимой стеной, все они тесно взаимосвязаны» [6].

Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (например, Обломов, Тарас Бульба), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (например, Иван Сусанин, Колумб), имя – символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (Моцарт, Ломоносов) [3].

Прецедентное высказывание – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной. Это сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда «шире» простой суммы значений. В когнитивную базу входит само прецедентное высказывание как таковое и сумма его значений-смыслов. Прецедентное высказывание неоднократно воспроизводится в речи носителей русского ментально-лингвального комплекса. К числу прецедентных высказываний принадлежат цитаты из текстов различного характера (например, Не спи́тся, няня!, Кто виноват?, Что делать?, Ждем-с!), а также пословицы (например, Тише едешь – дальше будешь) [5].

Прецедентная ситуация – некая «эталонная», «идеальная» ситуация с определенными коннотациями, в когнитивную базу входит набор дифференциальных признаков прецедентной ситуации [3]; означающим прецедентной ситуации могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя (например, Ходынка, Смутное время) или не прецедентный феномен (яблоко, соблазнение, познание, изгнание – как атрибуты одной ситуации) [5].

Прецедентный текст – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; прецедентный текст хорошо знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества, в когнитивную базу входит инвариант его восприятия, обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы. К числу прецедентных текстов относятся произведения художественной литературы («Евгений Онегин», «Бородино»), тексты песен («Подмосковные вечера», «Ой, мороз, мороз!»), рекламы, политические и публицистические тексты и др. [3].

Исследуя прецедентные феномены со сферой-источником «Христианская религия» в произведениях Л.Н. Толстого, мы опираемся на концепцию Д.Б. Гудкова и В.В. Красных, выделяя в системе прецедентные имена, высказывания, тексты и ситуации.

В рамках данной статьи проводится анализ соотношения различных видов христианских прецедентных феноменов в произведениях Л.Н. Толстого.

Исследование прецедентных феноменов, обнаруженных в произведениях писателя, позволило выявить следующее распределение прецедентных феноменов по видам: 1) прецедентные имена – 38,04 %; 2) прецедентные высказывания – 34,86 %; 3) прецедентные тексты – 18,13 %; 4) прецедентные ситуации – 8,97 %.

Наиболее частотным типом прецедентных феноменов являются **прецедентные имена** (38,04 %), принадлежащие к библейской и православной сферам. Приведем примеры имен, имеющих библейское происхождение. Ср.:

– Спаси тебя **Христос**, Лукаша. Бог с тобой! Пришлю, и новой бочки пришлю, – отвечала старуха [Казаки. Т. 3. Г. XVII. С. 70].

– ... то же сделано с господином Ключаревым, то же и с другими; которые под видом сооружения храма **Соломона** старались разрушить храм своего отечества [Война и мир. Т. 5. Т. 3. Ч. 3. Г. XI. С. 309–310].

Имена из православного направления христианства. Ср.:

От дома князя Щербатова пленных повели прямо вниз по Девичьему полю, левее **Девичьего монастыря** и подвели к огороду, на котором стоял стол [Война и мир. Т. 6. Т. 4. Ч. 1. Г. XI. С. 44].

В **Троицкой лавре** они говорили о прошедшем, и он сказал ей, что, ежели бы он был жив, он бы благодарил вечного бога за свою рану, которая свела его опять с нею [Война и мир. Т. 6. Т. 4. Ч. 1. Г. XVI. С. 68].

Следующим по частотности употребления типом прецедентных феноменов являются **прецедентные высказывания** (34,86 %), представленные в цитатном виде в текстах в трансформированной, но узнаваемой, и нетрансформированной форме.

Приведем примеры прецедентных высказываний в нетрансформированном виде в эпиграфах. Ср.:

Мне отмщение. Я воздам. (Рим. XII; 19) [Крестник. Т. 9. Г. 1. С. 360].

Аще не будете как дети, не внидите в царствие божие [Кто прав? Т. 10. С. 494].

Трансформированное прецедентное высказывание произносится одним из героев романа «Война и мир», повествующее о трехкратном разрушении и трехкратном восстановлении царства Божия. Ср.:

– Трижды убили меня, трижды воскресал из мертвых. Они побили камнями, распяли меня ... Я воскресну ... воскресну ... воскресну. Растерзали тело мое. Царствие божие разрушится ... **Трижды разрушу и трижды воздвигну его**, – кричал он [Война и мир. Т. 5. Т. 3. Ч. 3. Г. XXV. С. 364].

В прототекстовом варианте это высказывание произносится Иисусом Христом, в котором говорится о разрушении рукотворного храма и воздвижении нерукотворного храма через три дня: Мы слышали, как Он говорил: «Я разрушу храм сей рукотворенный, и через три дня воздвигну другой нерукотворенный» [Марка 14: 58] [1].

Л.Н. Толстой формулирует свое понимание заповедей Иисуса Христа из Нагорной проповеди через героя романа «Воскресение» в перефразированном виде, опираясь на стихи из Нового Завета. Ср.:

Первая заповедь (Мф. V, 21-26) состояла в том, что человек не только не должен убивать, но и не должен гневаться на брата, не должен никого считать ничтожным, «рака», а если поссорится с кем-либо, должен мириться, прежде чем приносить дар богу, то есть молиться.

Вторая заповедь (Мф. V, 27-32) состояла в том, что человек не только не должен прелюбодействовать, но должен избегать наслаждения красотой женщины, должен, раз сойдясь с одной женщиной, никогда не изменять ей.

Третья заповедь (Мф. V, 33-37) состояла в том, что человек не должен обещаться в чем-нибудь с клятвою.

Четвертая заповедь (Мф. V, 38-42) состояла в том, что человек не только не должен воздавать око за око, но должен подставлять другую щеку, когда ударят по одной, должен прощать обиды и с смирением нести их и никому не отказывать в том, чего хотят от него люди.

Пятая заповедь (Мф. V, 43-48) состояла в том, что человек не только не должен ненавидеть врагов, не воевать с ними, но должен любить их, помогать, служить им [Воскресение. Т. 10. Ч. 3. Г. XXVIII. С. 466].

Обращение к **прецедентным текстам** (18,13 %), источником которых является Священное Писание и предание можно встретить в произведениях Л.Н. Толстого неоднократно: из Библии – Святое благовествование апостолов, Откровение Иоанна Богослова, псалтырь и др.; из православия – «Житие православных святых». Ср.:

И он искал эту веру везде. Больше всего он надеялся найти ее в **откровении Иоанна** [Божеское и человеческое. Т. 11. Г. 6. С. 471].

«Боже мой! Да неужели правда то, что я читал в **житиях**, что дьявол принимает вид женщины?» [Отец Сергей. Т. 11. Г. 5. С. 281].

Четвертое место по частотности употребления занимают **прецедентные ситуации** (8,97%), имеющие библейское происхождение. Ср.:

– Что представляет картина? – спросила Анна.

– Христос пред Пилатом. Христос представлен евреем во всем реализмом новой школы [Анна Каренина. Т. 8. Ч. 5. Г. IX. С. 37].

Этот пример указывает на ситуацию, в которой избитый, обвиненный во лжи и ереси, Иисус Христос стоит перед Понтием Пилатом, имеющим власть помиловать или распять Спасителя.

Следующий пример повествует об исцелении слуги сотника, проявившего веру в Иисуса Христа и Его великую способность исцелять больных людей, о воскресении Христом единственного сына вдовы в городе Наине. Ср.:

Подумал он так, хотел ложиться, да жаль было оторваться от книги. И стал читать еще 7-ю главу. Прочел он про сотника, прочел про сына вдовы [Где любовь, там и бог. Т. 9. С. 261].

Итак, самыми частотными видами христианских прецедентных феноменов в произведениях Л.Н. Толстого оказались прецедентные имена (38,04 %) и прецедентные высказывания (34,86 %). Высокая доля употребления прецедентных имен и прецедентных высказываний сопряжена с воззрениями, изложенными в религиозно-этической концепции Л.Н. Толстого, выражающими благоговейное отношение к Иисусу Христу, апостолам, пророкам и их высказываниям, позволяет писателю создать уникальные образы в своем творчестве. Апелляция к прецедентным текстам и прецедентным ситуациям показывает основу толстовского понимания христианских идей, передаваемых через персонажей, сюжетные линии произведений.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета // Российское библейское общество. – Москва, 1992. – 296 с.
2. Гудков, Д.Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 4. – С. 106–117.
3. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
4. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация): моногр. / В.В. Красных. – Москва: Диалог–МГУ, 1998. – 352 с.

Наука ЮУрГУ: материалы 66-й научной конференции
Секции социально-гуманитарных наук

5. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.– 375 с.
6. Орлова, Н.М. Библейский текст как прецедентный феномен: дис. ... д-ра филол. наук / Н.М. Орлова. – Саратов, 2010. – 494 с.
7. Толстой, Л.Н. Собрание сочинений в 12 т. / Л.Н. Толстой. – М.: Изд-во «Правда», 1987.